

Цена угля

Влияние добычи угля в России
на окружающую среду,
местные сообщества
и коренные народы

Введение

«Уголь лежит, его надо взять», — так считают власти и угольная промышленность Кемеровской области. Чаще этот регион называют Кузбасс, сокращая длинное Кузнецкий угольный бассейн.

Здесь середина России, ее угольное сердце: четыре часа лета от Москвы. Во все европейские столицы лететь ближе, разве что в далекий Лиссабон или Барселону примерно столько же.

Если вы не прилетите в Кузбасс, вы ничего не узнаете. Да, угольное производство призрачно — это известный факт, а угольные ТЭЦ выбрасывают в атмосферу тонны CO₂, провоцируя глобальное потепление.

У жителей Кузбасса под окнами ведется разработка карьеров открытым способом, громахают многотонные самосвалы, расступ горы из отвальной породы, а дома разрушаются от взрывных работ при добыче угля. Угольная пыль загрязняет воздух и реки, плодородные почвы уничтожаются.

Об этих проблемах невозможно узнать, не поездив по окрестностям Новокузнецка. Чтобы вернуться и рассказать о Кузбассе, журналисту нужны четыре часа в самолете и месяц работы, а плохие новости о нарушении экологических прав в Кемеровской области не долетят до Москвы никогда.

Они скрыты за необходимостью добывать уголь, которой оправдываются любые действия угольной промышленности.

Официальная статистика подтверждает загрязненность воздуха, воды, почв, высокую заболеваемость и смертность населения. Однако в конкретных случаях местные власти и контролирующие органы предпочитают не разбираться.

В этом докладе наряду с данными, которые отражают состояние окружающей среды в Кузбассе, представлены интервью с теми, кто пострадал от разработки угля, но не может получить подтверждение этому и компенсацию в полном размере.

Мы надеемся, что за каждой цифрой официальных данных вы увидите судьбы людей, которые живут в Кузбассе и пытаются отстаивать свои права.

ЦЕНА УГЛЯ
Экозащита! 2015-2016

Текст: Наталья Парамонова
Редактура: Владимир Сливяк, Галина Рагузина
Корректура: Галина Рагузина
Особая благодарность за уточнения: Антон Лементуев

При поддержке Фонда им. Генриха Белля, Посольства Франции в Москве

Дополнительная информация:
Экозащита! - тел. +7 903 2997584
e-mail: ecodefense@gmail.com
<http://ecodefense.ru>

УГОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ

Кузбасс, или Кузнецкий угольный бассейн — крупнейший угольный бассейн в России. Всех запасов угля здесь хватит, чтобы нагрузить поезд от Земли до Солнца. На долю региона приходится 59% всего угля, добываемого в России. Кузбасское сырье составляет 76% всего объема экспортируемого угля.

В настоящее время в Кузбассе действуют 120 угольдобывающих предприятий (66 шахт и 54 разрезы) и 52 обогатительные фабрики и устанювки. В 2014 году угольщики Кузбасса добыли почти 211 млн тонн угля, что стало онередным рекордом угольдобычи. В 2012 году — 201,4 млн тонн угля, в 2013 году — 202,7 млн тонн угля в год.²

Энергетическая стратегия России предусматривает увеличение добычи угля до 224 миллионов тонн угля в год.³ По добыче угля Кузбасс бьет рекорды, объемы выросли даже по сравнению с показателями Советского Союза.

Между тем, Кемеровская область — одна из самых небогатополучных с экологической точки зрения областей России. И вот здесь рекордов гораздо больше.

Область лидирует среди регионов РФ по объему отходов производства и потребления на душу населения и на единицу внутреннего регионального продукта. На каждого жителя области приходится 984 тонны отходов ежегодно.

Кузбасс занимает второе после Московской области место по доле нарушенных земель, изъятых из продуктивного оборота. Это значит, что плодородные земли уничтожаются при разрабoтке карьеров. При этом тонна угля добывается один раз и более не восстанавливается, а плодородная почва может многократно использоваться в сельском хозяйстве.

По словам доктора биологических наук, регионального координатора проекта ПРООН-ГЭФ

«Задачи сохранения биоразнообразия в политике и программах развития энергетического сектора России» Юрия Мананова, площади нарушенных земель составляют около 20% от заселенной территории, то есть площади Кузнецкой котловины. По нашим подсчетам, площадь угольных разрабoток составляет около 6 тыс. кв.км.

Однако точных данных нет, потому что нет учета выбытия земель из оборота. К тому же, карьеры норуют снова отдавать отработанные земли на баланс лесничествам для проведения рекультивации. При отсутствии единого реестра проводить статистические расчеты крайне сложно. В рамках проекта ПРООН эксперты пытаются собрать данные на основе спутниковых снимков, но пока работа не закончена.

Официальная статистика утверждает, что в настоящее время нарушено около 650 квадратных километров земель, в то время как площадь Кемеровской области — 95 тысяч квадратных километров. Нарушенные земли составляют менее 1% Кузбасса. Можно не думать о такой маленькой цифре, правда? Как и о повышении глобальной температуры на Земле на 2 градуса — это же так мало?

Между тем, основные города области — Новокузнецк, Кемерово, Киселевск, Прокопьевск, Белово и Междуреченск — занимают немногим более 1600 квадратных километров. Получается, что побилизости от этих городов земля, по площади равная почти половине этих населенных пунктов, разрушена деятельностью по добыче угля.

Теперь уточним, что такая небольшая в масштабах страны территория, занятая разрабoткой угля, занимает пятое место в России по выбросам в атмосферу на единицу площади (153,6 тонны на тысячу гектаров).

Официальная позиция

Заместитель губернатора по природным ресурсам и экологии Нина Вишневая презентовала книгу «Экология Кузбасса, цифры, факты, события». Это анализ экологической ситуации в регионе за последние 15 лет. Главный вывод — она меняется к лучшему. Почти в четыре раза сократились выбросы в атмосферу, на 40% уменьшился сброс сточных вод, закрыто 460 стирных котельных. В Томи появились хурисы и таймень, а численность лося выросла вдвое. В планах на этот год — алгаи к 9 мая, участки во всероссийской акции «Сирень Победы».⁴

Динамика населения Кемеровской области*												
Всего	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Города	2893	2862	2833	2806	2786	2780	2776	2773	2761	2751	2742	2734
Деревни	2508	2783	2410	2390	2374	2369	2367	2365	2357	2351	2345	2340
	385	379	423	417	412	411	410	409	404	400	400	394

Однако экологическим показателям Кузбасса доверять сложно: они, как минимум, неполны. Согласно рейтингу регионов России по прозрачности бизнеса³, составившему негосударственным информационным агентством Интерфакс, в 2014 году только чуть более 50% предприятий региона предоставило данные о своих экологических показателях.

Антирекорды Кемеровской области в основном связаны с экологическими проблемами, которые, в свою очередь, непосредственно влияют на качество жизни населения региона. Моноэкономика, завязанная только на угле, и низкое качество жизни приводят к оттоку людей из Кузбасса.

ЭКОЛОГИЯ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Насколько Кемеровская область неблагоприятна для проживания, демонстрирует официальная статистика. Она отражает цену, которую платят государство и люди за возможность дышать воздухом.

Ожидаемая продолжительность жизни среднестатистического кемеровчанина на 3–4 года меньше, чем у россиян в среднем, в том числе и из-за экологических проблем. Заболеваемость туберкулезом в области превышает средний уровень по России в 1,7 раза.

Психические расстройства среди детей случаются в области в 1,8 раза чаще, а умственно отсталых детей рождается в области в 2,4 раза больше, чем в среднем по России.

Область на первом (2011 г.) и втором (2012 г.) месте в России по уровню заболеваемости детским церебральным параличом. Уровень 15 онкологических заболеваний в области выше среднего по России (по семи – выше среднего по Сибирскому федеральному округу).

Официальная позиция

Заместитель главного врача Кемеровского областного клинического онкологического диспансера Наталья Сипинская не связывает проблемы здоровья населения с неблагоприятной экологической обстановкой: «Вряд ли у нас в Кузбассе существуют какие-либо отличия от других регионов России. Как и везде, в нашей области ежегодно растут заболеваемость раком: за 10 лет прирост злокачественных образований составил 11 процентов. Каждый год у 10 тысяч кузбассовцев диагностируется рак, сейчас на учёте состоит 50 тысяч онкологических больных. Больше всего кузбассовцев погибает от сердечно-сосудистых заболеваний и травм, рак – на третьем месте по смертности.

По распространённости сейчас на первом месте рак молочной железы, на втором – рак лёгкого, на третьем – рак кожи. Растет заболеваемость раком толстого кишечника и прямой кишки, вместе они вышли бы на третье место. При этом снижаются случаи заболеваемости раком лёгкого и раком желудка»⁴.

Область занимает первое место по Сибирскому федеральному округу по распространённости острого инфаркта, а также по доле новорожденных с врожденными пороками развития. Аномалии системы кровообращения у младенцев встречаются в 1,6 раза чаще среднего по России показателю, и по аномалиям женской половой системы – в 3,3 раза чаще.

Кузбасс – единственный в Сибирском регионе, где дети в два-три раза чаще страдают инфекционными и паразитарными болезнями: по России на 100 тысяч человек приходится 998 заболевших, а в Кузбассе – от 2,4 до 3,2 тысячи человек.

Риск массовой неинфекционной заболеваемости детей, связанный с воздействием загрязнённого воздуха взвешенными веществами, формальдегидом, оксидами азота, по классу болоней орган дыхания сформировался в половине субъектов РФ, в том числе в Кузбассе.

По официальным данным, в Кемеровской области только три человека из ста имеют удовлетворительные условия проживания.

Кроме того, здесь отмечены самые высокие показатели профессиональной заболеваемости. Причём за последние два года показатель области вырос почти на 5%.

Здоровье населения — это не только следствие добычи угля, а комплексная проблема региона, где по населённым пунктам текут грязные реки, воздух содержит угольные частицы, которые потом оседают на почву. Кроме угольной пыли, воздух Кузбасса отравляют промышленные предприятия, большинство из которых построено 50-х годах прошлого века. Их модернизация сравнима по затратам с постройкой новых предприятий.

Все это противоречит конституционному праву каждого гражданина России на доступ к благоприятной экологической среде. Благоприятность среды обитания в Кузбассе можно оценить по показателям загрязнённости воды, почвы и воздуха, предоставляемым официальной статистикой.

ВОДА

Кемеровская область насыщена пресной водой. Здесь течет множество крупных рек, а под землей находятся водоносные горизонты. Реки Кузбасса принадлежат к бассейну Верхней Оби, общий объем поверхностного стока которого составляет 34 куб. км, или 67% от всего стока сибирских рек.

По территории Кемеровской области протекает более 32 тысяч рек общей протяженностью 76,5 тысячи километров: 6 рек протекают по территории двух и более субъектов Российской Федерации — Томь, Иня, Кия, Яя, Чулым, Чулым.

В области находится 850 озер суммарной площадью (вместе с речными старицами) 101 кв. км, что составляет 0,1% от всей площади Кузбасса — 95,7 тысячи кв. км.

Самая большая река Кузбасса, Томь, загрязнена на всем своем протяжении. В районе Кемерова ей присвоен статус «слабо загрязненной», в Новокузнецке она «очень загрязненная», выше Новокузнецка и в Междуреченске — «загрязненная».

Река загрязнена нефтепродуктами, фенолами, азотом нитридным, азотом аммонийным, железом, марганцем и медью. Обычным явлением считается превышение нормальных концентраций этих веществ в реке в несколько раз.

Крайне негативное влияние на качество воды в Томи оказывают два ее притока Аба и Ускаг. Обем рекам Росприроднадзор присвоил категорию «Грязная».

Аба «повезло», она своеобразный индикатор здоровья окружающей среды региона. Аба берет начало рядом с Киселевском, окруженным угольными разрезами, далее течет по промышленным и добывающим городам Прокопьевску и Новокузнецку. Когда Аба впадает в Томь, она уже насыщена неочищенными стоками предприятий и городской канализации.

Река Иня также «очень загрязнена», в основном железом и органикой. В Беловском водохранилище отмечается превышение содержания марганца, железа и органических веществ.

Реки севера области — Кия, Яя, Тяжин, Варзас, Агучедаг — загрязнены железом, нефтепродуктами, органическими соединениями и соединениями азота.

Из рассказов местных жителей: «Я живу в Новокузнецке. Моя дача находится в деревне Чучербаево Новокузнецкого района, где протекает река Ускаг, которая впадает в Томь. За последние 5 лет в результате деятельности угледобывающих организаций река сильно обмелела, вода в реке имеет резкий запах нефтепродуктов, берега сильно заросли камышом.

Дети многих деревень (Чучербаево, Красулино, Иганино, Пашкино) в летнюю жару вынуждены купаться в Ускаге, который очень сложно назвать рекой. Последний вопиющий случай произошел весной 2015 года, когда в результате схода опавла вскрышных пород, образовавшихся в процессе деятельности ОАО «СУЭК-Кузбасс» ПЕ «Разрез Заречный», Ускаг стал глиняным потоком оранжевого цвета с резким запахом дизельного топлива.

Я полагаю, что никому нет дела до нашей реки. Глиняным потоком забил все родники, река мелеет на глазах, уже во многих местах её можно перейти, не замочив колени, а ведь когда-то она была полноводной рекой. Очень бы хотелось, чтобы виновные организации ответили за свои ошибки и помогли в восстановлении русла реки. Без этих мероприятий реке грозит гибель»⁹

Росприроднадзор рапортует о ремонте очистных сооружений, установке дополнительных фильтров и о днягах, перечисленных на водоохранные мероприятия из федерального бюджета.

Из рассказов очевидцев: «По Томи, в районе Мрассу в огромных количествах плывёт мёртвая рыба. Её прибивает к берегу. Кто-нибудь в курсе? Что-то где-то сбросили в реки?» — «В районе впадения Мрассу в Томь? Жители деревни Устье-Мрасс периодически замечают такое явление на своём отрезке реки (пару раз за лето). В такие моменты вода в реке становится угольно-го цвета»⁹

Из разговоров с жителями: «Ну, допустим, у нас рядом с дачами есть пруд, и там купаются. Только когда вылезает из воды, окисляется будто открытым темными частичками. Они немного маслянисты. В принципе, смываются нормально».

Местные водоемы действительно загрязнены угольной пылью. Ею загрязнена и главная река Кемеровской области — Томь. По рассказам старых жителей города Кузнецка, раньше в реке водилось много рыбы, а сейчас в основном встречается один вид - шахтерка. Это местное название, данное мелкому ротану за то, что может жить в воде, полной угля и химических примесей.

Роспотребнадзор отмечает, что санитарное неблагополучие источников водоснабжения в основном связано с отсутствием зон санитарной охраны и/или несоблюдением требований к их организации и эксплуатации.

Специалисты Роспотребнадзора также отмечают, что содержание нитратов в питьевой воде Кемеровской области повышают риск заболеваний крови, сердечно-сосудистых заболеваний у детей и взрослых.¹⁰ 93,8% источников питьевой воды в Кузбассе не соответствуют нормативам.

Почва и шум

Уровень содержания химических элементов в почвах поселков и городов, которые расположены в непосредственной близости от шахт и перерабатывающих предприятий, превышает средние по стране показатели. Это данные официальной статистики. Она же подтверждает, что за последние два года число опасных проб, а значит и загрязненных почв, выросло на 20%.

Кроме того, содержание микроорганизмов и паразитов в почвах Кемеровской области также превышает средние по России показатели.

Доля проб почв, превышающих гигиенические нормативы, составляет 8,9% по санитарно-химическим и 7,9% по микробиологическим показателям.

Из рассказов местных жителей, поселок Кузасс «Разработки ведутся в ста метрах. Когда начали взрывать, вся пыль полетела к нам на огороды. Овощи покрыты пылью, ее и отмыть-то нельзя. Я же не враг себе что-то теперь с этого огорода есть».

Согласно данным Ростпотребнадзора, в 2013 году наибольший удельный вес промышленных предприятий, не отвечающих санитарно-эпидемиологическим требованиям по уровню шума, отмечен, в том числе, и в Кемеровской области. Здесь шумит более 50% предприятий.

Но никто не считал шум от огромных, прохочущих по дорогам области самосвалов. Пока они остаются самым используемым способом транспортировки угля. Кроме шума, перевозка угля способствует увеличению концентрации мелких частиц пыли в воздухе.

Кроме самосвалов, которые создают фонový шум, есть еще взрывы. По свидетельствам местных жителей, здесь прохочет так, что стены трясутся.

Рассказывает жительница деревни Березово «У нас как рванули, и грохот раздался. Внук испугался, прибежал ко мне и спрашивает: «Бабушка, а это что такое?». Тут дед нашелся и отвечает: «Гром». А он опять: «А почему дождя нет?». Что я ему должна сказать, что у нас тут взрывают рядом? Шум ужасный стоил и пыль».

Из рассказов местных жителей: «Формально шуметь нельзя. Есть санитарные нормы, но фактически на них никто не обращает внимания. Ну, пожалуйста мы, вызовем службу и что. Работы по измерению шумов от карьеров, объемов выбросов пыли и загрязненния вод проводятся с тем, чтобы доказать нормальность происходящего. Специалисты приезжают, когда добывающие работы приостановлены, и выдают результаты, которые не соответствуют реальным условиям жизни».

По словам местных активистов, бывает случаи, когда специалисты сами предупреждают предприятия о своем приезде заблаговременно.

ВОЗДУХ

Ответственное за мониторинг состояния воздуха ведомство — Росприроднадзор — само признает, что существующей сети станций экологического мониторинга недостаточно. Отсутствуют данные по воздуху основных городов области - Белово, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченск, Мыски, Подысаево, Осинники.

Между тем, основная заселенная территория Кемеровской области расположена в котловине, поэтому вредные вещества от любых производств не рассеиваются и не уносятся ветром, а оседают здесь же, образуя фотохимический смог.

Отсутствие объективной картины о состоянии атмосферного воздуха нарушает конституционное право россиянина на доступ к достоверной информации о состоянии окружающей среды.

Какая же информация все-таки есть? По данным Кемеровского ЦПМС¹¹, в 2014 году в Новокузнецке наблюдались очень высокий уровень загрязнения воздуха, в Кемерове — высокий, в Прокопьевске — повышенный.

Очень высокий, высокий и повышенный уровни загрязнения атмосферного воздуха главным образом связаны с высокими концентрациями бензопирена, диоксида азота в городах Кемерове и Прокопьевске, бензопирена — в городе Новокузнецке.

По оценкам врачей, такая насыщенность воздуха вредными химическими соединениями и пылью создает условия, когда люди постоянно дышат отравленным воздухом. Такая хроническая интоксикация безусловно повышает риск заболеваний у жителей городов.

По расчетам специалистов¹², наибольший вклад в риск хронической интоксикации вносит окись углерода (77,4%), достаточно существенно доля взвешенных веществ (пыли) — 15,0%, двуокись азота — 3%, их суммарный вклад составляет 95,4%.

Характерное для Кузбасса явление — выпадение черного снега — наглядно демонстрирует уровень загрязненности атмосферного воздуха. Снег в городах Кузбасса содержит соединения серы, нитрита, нитрата, хлорида, ионы калия и марганца.¹³

Мнение

«Газета Кемеровед»: *«В пятницу и субботу в Кемерове и Новокузнецке метеорологи зафиксировали превышение уровня загрязняющих веществ в воздухе. Повышенное содержание сажи синтетика связывается с печным отоплением частного сектора, а наличие диоксида и оксида азота, а также оксида углерода — с выбросами отходов промышленных предприятий и безветренной погодой».*¹⁴

Природа под угрозой

14% территории Кемеровской области составляют заповедные территории с разным охраняемым статусом. Самый известный заповедник — «Кузнецкий Алатау».

На территории «Кузнецкого Алатау» организована мониторинговая сеть по контролю и оценке жизненного состояния лесов.

Специалисты Росприроднадзора оценивают состояние природы в заповеднике по модельным деревьям. В ходе работ они определяют содержания серы и тяжелых металлов в хвое кедра сибирского и пихты сибирской. Согласно полученным данным, индекс жизненного состояния обеих пород на большинстве пробных площадей соответствует поврежденным и сильно поврежденным лесным биотоценозам. Многие модельные деревья уже погибли.

Для обеих пород отмечено большое количество пожелтевшей и усыхающей хвои, поражение древесными насекомыми и грибами, что может быть связано с длительным и высоким загрязнением окружающей среды в охранной зоне. В пробах хвои установлены превышения предельно допустимых концентраций серы в 6-7 раз во всех пробах, а также цинка в некоторых пробах.

Практически на всех площадках, где оценка проводилась по уровню асимметрии листовых пластинок березы, в этом году состояние окружающей среды оценено как критическое.

Кроме «Кузнецкого Алатау», на территории Кемеровской области находятся еще 20 природных охраняемых территорий. Однако при оценке угроз для их существования специалисты Росприроднадзора говорят о возможности разработки разрезом рядом с заповедными лесами. Такое освоение увеличит и без того сильную антропогенную нагрузку на недропольные хозяйственной деятельностью леса Сибири.

Обращение с отходами

Как уже отмечалась, область лидирует по количеству отходов, и это неудивительно. Разработка угля ведет к образованию отходов, а дальнейшая переработка к промышленным отходам, которые почти не утилизируются, а сваливаются на промплощадках.

Динамика образования отходов такова: 1753 млн тонн в 2007 году, 1764 млн тонн в 2009; 2049 млн тонн в 2010; 2388 млн тонн в 2011; 2643 млн тонн в 2012 году. С 2007 по 2012 год объем отходов вырос на 52%, а доля использованных и обезвреженных сократилась на 25%.

В России до настоящего времени большинство предприятий в решении вопросов загрязнения окружающей среды руководствуются принципом “end of pipe”. Этот подход предполагает использование очистных сооружений в конечной стадии производства, в то время как основный источник снижения объема отходов должно быть превентивное подавление, т.е. применение таких технологий и установок, которые характеризуются минимальным количеством выбросов и сбросов.

Накопление многооточных промышленных отходов должно заставить решать задачу переработки вторичного сырья – разработки так называемых «технологических месторождений». Классическим примером таких месторождений являются отходы металлургической и горнорудной промышленности юга Кузбасса (шлаки, шламы, хвосты обогатительных фабрик).

Отметим, что лишь 2% потребляемых минерально-сырьевых ресурсов превращается в конечную продукцию, а остальные 98% представляют, по существу, отходы. Их переработка является первоочередной задачей экологически устойчивого развития как в мире, так и в Кемеровской области.

Рост нерекультивированных земель на фоне увеличения объемов добычи угля объясняется значительным приростом доли открытых разработок, удельный вес которых в Кузбассе достигает 70-80%.

Три года назад статистика утверждала, что из оборота в Кемеровской области каждый год выбывает 1,0-1,5 тысяч гектаров, а восстанавливается 200-300 гектаров. В 70-80-х годах прошлого века темпы рекультивации опережали выбытие земель.

Мнение

Вал. В. Сенкив, В. Г. Климов, В. В. Сенкив, Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета: «В настоящее время появилось много

чистых контур, которые якобы занимают рекультивацией нарушенных угледобычей земель, но на самом деле помпеховку с бортом скребулт уголь спланный запасов, не имея ни техники, ни специалистов, чтобы обеспечить реально рекультивацию земель, нарушенных откритой угледобычей».

По мнению Юрия Манакова, раньше существовало несколько десятков компаний, которые были способны провести качественную рекультивацию. Однако когда угольные предприятия стали коммерческими, большинство фирм по рекультивации вошло в состав угольных компаний. Естественно, что головное предприятие заинтересовано в снижении затрат на восстановление почв. На фоне

того, что местные контролирующе органы практически лишены полномочий, компании проводят формальную рекультивацию, и их целью стоит отчетность, а не возвращение земель в хозяйственный оборот.

Разрабатывая проект по рекультивации, специалисты создают систему мониторинга за состоянием окружающей среды в ходе добычи и пишат, что восстанавливать сельскохозяйственные земли смысла нет, а можно посадить березы, и через 20 лет растительность восстановится сама. Однако когда едешь по отработанным отработкам карьеров, очевидно, что выработки сами не зарастают и не восстанавливаются.

По словам Манакова, в Кузбассе существуют прекрасные наработки по восстановлению земель, но они востребованы несколькими компаниями, которые поставляют уголь в Европу. Экологические мероприятия их обязывает проводить покупатель, в то время как внутри страны это никому не нужно.

Право угля

Экологическая ситуация в Кузбассе довольно хорошо представлена в отчетах профильных ведомств, Роспотребнадзора и Росприроднадзора. Сообщения о выбросах, загрязнении почв и кислотных дождях можно найти в местных газетах и онлайн-изданиях. Однако, несмотря на кажущуюся понятность ситуации и необходимость коренных изменений в экономике области, все остается по-прежнему.

Местные власти низшего уровня: поселковые, районные, городские, надзорные органы и власти области продолжают действовать, исходя из лозунга «Уголь наше все».

Многие поселения в Кузбассе возникли недалеко от шахт. Но на смену шахтам пришел более дешевый способ добычи — открытые карьеры, а система поселений не изменилась. Около 80% жителей области живет на угле или в зоне воздействия угольных разрезов.

Согласно Конституции России, граждане страны имеют экологические права. Три основополагающих из них — доступ к достоверной информации о состоянии окружающей среды, доступ к чистой окружающей среде и право на компенсацию вреда здоровью и имуществу, причиненного плохой экологической обстановкой.

Как уже отмечалось, с доступной информацией в Кузбассе все относительно хорошо. Дело здесь в существовании значительной группы экспертного и научного сообщества, сосредоточенной в учебных заведениях области. Научные работы и мониторинг окружающей среды есть, несмотря на то, что фактически властями эти данные не востребованы. Существование экологических проблем констатируется, но не признается.

В первую очередь отрицание проблем проиходит на низовом уровне, когда начинают разработку угля вблизи жилых домов. Подробные интервью с жителями таких поселений приведены в приложении к докладу. Из них видно, что контрольные органы не дают объективных заключений о состоянии окружающей среды и не подтверждают, что добыча угля загрязняет воздух, воду и почву, а также создает повышенный уровень шума.

До начала разработки нового карьера, добывающие организации должны улучшить заключения

о том, какой вред разработка нанесет природе: сколько деревьев пострадает, сколько почв и источников питьевой воды будет затронуто. Кроме того, проект должен предусматривать отселение жителей из санитарно-защитной зоны карьера (при их согласии), проведение работ по минимизации ущерба для здоровья населения.

На деле же задана добытчика — снизить свои издержки на такие непрофильные работы. При этом за разработку проекта платит угольная компания, которая и пытается на бумаге прописать, что жителям переоселить не надо, деревья вырубить не будут и природоохранные мероприятия не требуются. Одним из распространённых методов уменьшения издержек является подмена понятия «санитарно-защитная зона», предусматривающего расстояние от границ предприятия до населённого пункта не менее, чем в 1000 метров (СанПиН 2.2.1.1.2000-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов»), понятием «расчётная санитарно-защитная зона» с расстоянием в 400 метров.

По таким формальным экспертным заключениям власти выдают разрешение на разработку, и возникает конфликт. Наше всего, как очевидно из исторической схемы расселения людей, вблизи нового карьера оказывается населённый пункт. Жители начинают протестовать против ведения работ. Однако по формальным заключениям экспертов их жизни и здоровья ничего не угрожает.

Бывалот и курьезные случаи. Например, в документации ООО «Энергоуголь» на разработку одного из карьеров на карте не был указан существующий там посёлок. Поэтому жители, которые оказались в 300 метрах от взрывных работ, не имели права на компенсацию и переселение.

Как рассказывалот жители посёлка Алексеевка, рядом с которым начала добычу компания «Разрез Букитурский-Северный», в экологической экспертизе проекта было указано, что на участке компания есть только кустарник, хотя на самом деле стоял кедровый лес.

Оспорить выданные заключения и сам проект разработки граждане имеют право, но фактически его лишены. Согласно закону, до начала работ вблизи населённых пунктов должны быть проведены общественные слушания, на которых стороны должны снять взаимные претензии. Приоритетным считается мнение жителей, условия проживания которых ухудшаются.

На деле же общественные слушания часто не проводятся (или проводят в труднодоступном месте). Например, в посёлке Казас представителю угольной компании «Оужная» приходили к каждому жителю в дом и пытались договориваться, подменяя таким образом понятие общественных слушаний частными беседами. Работы рядом с посёлком Чувашка ведёт ООО «Разрез Кийзаский», органтозавышае общественные слушания 31 декабря в отдалённом населённом пункте. Как утверждалот свидетели, часть местных жителей не пустили на слушания. Тех же, кого пустили — выставили через час под предлогом необходимости «помыть пол».

Речь о переселении заходит только в случае попадания домов в т.н. «расчётную санитарно-защитную зону». Жительница города Киселевска рассказала, как проходила переселение ее матери из дома в санитарной зоне. По ее словам, им обещали выделить квартиру сопоставимой площади, и они были рады возможности переехать в город, где есть водопровод и центральное отопление. Женщине сопроводила мать на любое подписание бумаг, опасаясь обмана, но все-таки получить желаемую квартиру не удалось. Директор шахты начал тннуть с покупки квартиры, а потом вынул дил подписать согласие на переезд в квартиру меньше и хуже. Жительница полагает, что по бумагам ее мать получила большую компенсацию, а часть денег осела в карманах у угольщиков.

На подлгог при выдче компенсации указал и местный житель Сергей Шереметьев. Пытаясь остановить работу ближайшего разреза к деревне Алексеевка, он изучал документы и наткнулся в них на новую улицу, которой на самом деле не существует. Сергей предполагает, что это было сделано, чтобы выплатить компенсации несуществующим жителям несуществующей улицы в этой деревне.

Нередко вместо законных общественных слушаний компании договариваются с администрацией поселков и приступают к добыче. В этот момент жители начинают протестовать и обращаться в различные инстанции. Цель обращения — переселение из зоны ведения работ, выплата компенсаций, прекращение разработки вблизи домов.

Чинювники далеко не всегда готовы увидеть, что взрывы в карьерах разрушают печи в домах, не слышат повышенный уровень шума, не замечают угольную пыль и срубленные деревья. На месте многие представлятели власти сочувствуют жителям, но помочь ничем не могут — они считают, что надо добывать уголь.

Надо отметить, что в отсутствии законного регулирования работ, все зависит только от жителей. Например, ООО «Разрез Березовский Оужный» озвучил намерение вести работы в 500 м от ближайших домов, а в т.н. «расчётную санитарно-защитную зону» попадают две улицы, включая школу. В деревне Березово сразу начались протесты и сборы подписей.

Люди пытаются отстоять хотя бы свое право на санитарную зону, чтобы разрез не подходил ближе чем на километр к жилым домам.

Активная позиция жителей, нежелание переезжать и стремление получить нормальную компенсацию могут привести и к серьёзным последствиям. Так в Казасе несогласных жителей начали «выдавливать» из посёлка: ликвидировали школу, отключили электричество, поставили незаконные пропускные пункты на пути в посёлок, ввели досмотр машин. Каждое ухудшение условий жизни заставляло часть жителей съехать и продать свои дома угольной компании «Оужная». Однако несколько жителей все-таки остались в посёлке и однажды их дома подожгли. Дело о поджоге до сих пор не раскрыто.

Намерение властей увеличить добычу угля создаст еще больше точек напряженности. Насколько протесты будут успешны, сказать сложно. Если под давлением общественного мнения власти выкажет ясную позицию и встанет на сторону закона, то, возможно, жители Кузбасса смогут сохранить свою среду обитания. Если нет, то и без того неблагоприятная экологическая ситуация в регионе и здоровье населения только усугубятся.

Отдельная угроза для жителей — вероятные техногенные землетрясения. Об этой опасности заговорили, когда в июне 2013 года в районе разреза Бчатский (ОАО «Кузбасразрабуголь») произошло крупнейшее землетрясение техногенного характера. Сила толчков в его эпицентре достигала 7 баллов, магнитуда 6,1. Из-за землетрясения пострадали около 500 домов, а общий ущерб оценивается в 1,7 миллиарда рублей. На техногенный характер землетрясения указывали сейсмологи Новосибирска. По словам пострадавших от землетрясения, помощь оказывалась выборочно и не покрывала расходов на ремонт домов. К сожалению, не удалось найти жителей, которые были переселены из-за землетрясения.

Местные власти и администрация разреза действительно выделяли деньги на ремонт зданий, но единой суммы или четкого механизма выдачи компенсаций не было. Большие суммы получали те, кто работал на разрезе, а люди, не связанные с угледобычей, обращались к поселковым властям. Им также оказывали помощь, но не в полном объеме.

Землетрясение выявило жалоб от населения на взрывы и пыль, летящую с разрезом. Однако, по словам местных жителей, проверяющие инстанции проводили замеры утром, когда нет ни взрывов, ни пыли. На основании этих данных был сделан вывод, что условия жизни вблизи разреза Бчатский соответствуют нормам.

ЭКОЛОГИЯ Исчезающего народа

Горная Шория находится на юге Кемеровской области. Она вытянулась на 170 километров с севера на юг и на 100 километров с востока на запад. Здесь залегают уголь, а значит, присутствует постоянная угроза ликвидации поселков коренного народа шорцев. По данным шорских активистов, если в 1990е шорцев насчитывалось около 16000 человек, то к сегодняшнему дню осталось не более 5000.

Российское законодательство предусматривает создание Территориального общественного самоуправления (ТОС), которое отстаивает интересы местного населения. Через ТОС шорцы имели бы право согласования новых разработок угля. Однако, по словам шорцев, местные власти, понав, что создание ТОС может усложнить им жизнь, создали квазиТОС, куда вошли по большей части чиновники и лояльные угольным компаниям представители коренного народа.

«Нам не дают что-то делать, жить своим укладом. Работа о малых народах — это праздники и выпивка. Вот вам и сохранение культуры», — говорит жительница шорского поселка Чувашка Валентина Борискина.

Она и ее соседи утверждают, что под воздействием угольных разрезов и предприятий из рек исчезла рыба, собирать ягоды и грибы нельзя из-за покрывающего их слоя угольной пыли. Отдельное неудобство доставляют взрывы на близлежащих разрезах. Это не только шум, но и разрушение домов, печей, хозяйственных построек. Ближайший карьер находится в 1,5 километра от деревни, о предстоящих взрывах жителей никто не предупреждает.

Шорцы считают, что сейчас еще есть шанс на выживание народа — при условии выделения земель, создания действующей системы самоуправления. В этом случае молодежь может снова заняться традиционными промыслами, вместо добычи угля и разрушения собственной среды обитания. Если же ничего не изменится, то через 20 лет шорский народ может исчезнуть.

Заключение

Кузбасс, или Кузнецкий угольный бассейн, — крупнейший угольный бассейн в России. На долю региона приходится около 60% всего угля, добываемого в России. Кузбасское сырье составляет 76% всего объема экспортируемого угля. В течение последнего десятилетия добыча угля и его экспорт значительно выросли, достигнув исторических максимумов.

Экологическая цена этого развития велика — это чрезвычайной высокой уровень загрязнения воды и воздуха, большое количество нарушенных и нерекультивированных земель, высокий уровень заболеваемости населения, а также растущая угроза исчезновения коренных народов. Так, например, более 90% источников питьевой воды в Кузбассе загрязнены. Одним из возможных последствий добычи угля являются техногенные землетрясения, которые могут нанести значительный экономический ущерб. Одно из таких землетрясений в 2013 году нанесло ущерб размером в 1,7 млрд руб.

Местные власти слишком зависят от угольных компаний, наполняющих бюджет, чтобы справиться с катастрофической ситуацией в регионе. Местному населению крайне трудно добиться выполнения своих требований по защите окружающей среды в условиях, когда интересы властей и угольных компаний близки или совпадают.

Будущее региона зависит от продолжения активности местных жителей в сфере отстаивания экологических и экономических прав, а также от того, изменится ли политика местных властей. Кузбасс все еще имеет шанс на улучшение экологической ситуации в долгосрочной перспективе. Для такого улучшения потребуются диверсификация местной экономики, что включает в себя отказ от модели крайней зависимости от добычи угля и развитие альтернативных производств, не связанных с углем.

Приложение

Токмагашев Александр Иванович. Представитель коренного народа шорцев, поселок Казас. Угольная компания «Южная» начала разработку разреза в 100 метрах от поселка.

Я родился в Казасе 7 августа 1961 года. Отец мой получил квартиру как участник войны. Учился в школе в Казасе. В армию призывался оттуда. Вернулся. Казас я исходил весь вдоль и поперек. Дарями природы кормились. Рыбу ловили. Грнбы, шипки собирали. Сейчас у нас там ничего не осталось.

Все началось в Казасе в 2012 году, когда угольная компания «Южная» приехала туда первый раз. Они ходили по домам, по дворам — предлагали жителям продать свои дома. Я с ними встретился в первый день у своего двоюродного брата. Они там сидели. Я зашел, поговорил с ними. Я спрашиваю: «Почему вы начинаете сразу с обхода деревни, подворовый обход получается». Разговаривают отдельно с хозяином дома.

Раньше, когда наши родители жили, приезжали представители разреза: Междуреченского, Загорского, Сибиринского. Они собирали всех жителей в клубе — у нас был клуб — разговаривали, предлагали: хотите, построим деревню для вас или дом, квартиру, кто хочет в город переехать?

Наши родители от этого отказывались, не хотели никуда уезжать — потому что места родные, родились там. Отказывались постоянно. А что тут началось, почему они приехали, подворовой обход начали, не собирали жителей?

Я им вопрос задаю: «Почему вы так начинаете? Вы должны были прежде собрать сход жителей поселка Казас, дать подумать, а потом ходить по дворам, расспрашивать». Они меня спрашивают: «А ты кто такой? Почему ты за весь Казас отвечаешь? Ты за себя отвечаешь только». Я говорю: «За себя я всегда отвечаю. Я за весь Казас почему говорю: потому что я родился в нем и вырос. Это мой родной поселок». Они вот так, полчается, мне рот запыкали.

Нам предлагали продавать свои дома — индивидуальная купля-продажа. А мы же голосовали в декабре 2012 года. Нас собрали на сход жителей поселка. Я и не знал про этот сход, мне брат двоюродный сказал, Владимир Петрович Токагашев: «Что, Саид, не идешь? Собрание сегодня, голосование будет». Я говорю: «Мне никто не звонил, никто не говорил». Пошли. Собрание начинается сразу.

Когда собственники голосовали — хотя у меня в доме при человека — они не приходили, их никто не звал голосовать. Должны были голосовать только собственники. А в то время собственников, у кого в собственности земля, дом, в Казасе еще было мало.

На собрании у нас 36 человек было. 28 проголосовали за переселение. Мы голосовали — там бумага была — за вынужденное переселение, не просто индивидуальную куплю-продажу, а вынужденное переселение. Люди за это голосовали: 28 проголосовали «за», 8 — «против». Я был против.

После этого я ходил на прием к Иванову. Он тогда был и. о. — наш мэр, глава города. Я эти вопросы поднимал. Он мне: «Я сейчас не знаю, но я этим вопросом займусь, бумагу подниму». А потом мне от него приходило уведомление, ответ. Там черным по белому было написано, что мы голосовали за вынужденное переселение, не за индивидуальную куплю-продажу, а за вынужденное переселение. При вынужденном переселении разрез обязаны были выплатить нам компенсацию. Там много чего при вынужденном переселении.

При индивидуальной купле-продаже логика такая: я не хочу жить — я продал и уезжаю. Это лече. Они переделывают так. Мне бумага была официальная. Иванов был и. о. Я эту бумагу отдал, когда брат продавал свой дом, отдал ему. Он ее потерял. Я с нее ни керекотии, ничего не сделал. А потом ходил в администрацию. Они уже переделали: не вынужденное переселение, а просто переселение. Мы голосовали за вынужденное переселение, когда сбор был.

Я к Иванову три раза ходил на прием. Последний раз мы, собственники поселка Казас, ходили к нему 26 января 2015 года. Он обещал нам: создадим комиссию, по Казасу будем работать. А по Казасу ничего не делаем. Все задним числом делаем, бумаги, оптические, откладывают в область. Область в Москву докладывают: по Казасу все нормально, вроде.

Сначала разрез начал потихоньку работать. В то время по Казасу следовали какие-то улучшения: нас раньше на «Уралге» возили с моста, а дали автобус — автобус два раза ходил: утром и вечером, а следовали еще один в обед.

Потом освещение провели по деревне, на каждый столб, чтобы ночью свет горел, а то темно та же. Волу нацелили возить — а то нормальной питьевой воды не было: из колонки вода постоянно грязная бежала. И до этого Междуреченский разрез нам гнали, и они подлозили — и всю воду грязную в речку Казас, которая через наш поселок протекает — туда все сбрасывали. Вода вообще черная бежала.

Разрез нам воду начал возить. Какие-то улучшения пошли. Прообщал: коренным жителям — шорцам, казасовцам — привезем бесплатное уголь. Точно не буду говорить, сколько тонн обещали, но, благодарительный уголь, три тонны, четыре тонны, говорили, привезем. С этого обман началось — никому уголь не привезли потом.

В 2012 году они начали. 15-й дом сгорел — Костракова Юрия Ивановича — 26 ноября 2013 года. Подожгли дом. Если бы правоохранительные органы хотели бы найти того, кто совершил это преступление, нашли бы. Там и следы были. Они же сели в машину и через контрольный пункт проезжали, чтобы на Казас ехать. Там же камеры стоят — все фиксируется, записывается, какие машины проезжают.

По всем сгоревшим домам угольные дела возбуждали. Пять домов. У меня один дом остался — он ценный стоит. Три дома сгорело.

Первый дом сожгли. Сам сруб оставался обгоревшим. Его весной разобрали, вывезли. Без ведома хозяина, без его разрешения.

Раньше мы в Казас нормально проезжали. Раньше, когда два КП стояли — сейчас который стоит и за мостом работает — они только надо проверяли, не пропускали, а мы в Казас беспрепятственно ездили, никаких проблем не было. Потом КП за мостом убрали, а здесь остался. Как начались пожары, они начали проверять.

После того, как все наши дома сожгли, у них бдительность появилась, они начали проверять машины. У нас получается, все задним числом делается. Деятельность проявили, когда пять домов сожгли. И вот начинается: я еду к себе домой, собственник... Ладно они пришли посмотрели водителюское удостоверение, в книгу записали — мы от этого не отказываемся. А почему я должен им багажник открывать? Почему они мои вещи проверяют? Сумки даже заставляют открывать.

Полицию вызываем — они полиции говорят: проезжайте, посмотрите, что они в Казасе делают, и обратят с ними выедете. Полицейские разве будут слушаться охранников, поедут нас сопровождать?

Там тоже разное было, с угрозами... Около наших домов разговаривали с Халимовым Гендиректором ОАО УК «Оужная». Четверо семьи и я один был, восемь человек и я — девять человек поучаюется. Разговор шел, чтобы продавать дома. Мы не соглашаемся продавать. От него были угрозы. Все эти угрозы задокументированы. Полицию вызывали, опрос сделали. Он сказал, что ваш социальный дом приедут сносить трактором, случайно ваш дом зацепят-снесут или заборы поломают, или дом ваш может сгореть. Это непосредственно 48-му и 33-му дому угрозы были. Свидетелей вызывали, они подтвердили в полиции: два человека из Кемерово, они в Казасе были, два человека из Междуреченска, двое с Мыскав и я.

Остальным угрозы были, но они никуда, правда, не обращались. Потому что запугали людей, боялись люди, что останутся без ничего. Мол, дом не продашь, без ничего останешься.

Я говорю: я и был без ничего, гол, как сокол, а обогатиться деньгами за счет казасцев я не хочу. А сейчас в газетах как про нас пишут, например, в газете «Аргументы и Факты» пишут, что это не правда, что его очернить пред людьми хотят, что мы за счет этого хотим обогатиться. Пишут, что люди продали дома и купили в Мысках, в Новокузнецке хорошие дома купили.

А кто купил в Новокузнецке? Еще никто не покупал в Новокузнецке. В Мысках да, купили, в Междуреченске продали, купили. На эти деньги в Кемерове хорошие дома можно было купить. Я, например, в Кемерово не собираюсь ехать и жить там. Я здесь родился и вырос.

Халимов прислал мне бумагу — он оценил мой дом: три комнаты и кухня, дом хороший, большой и отгородил девять с половиной соток — он оценил, что не получается девятнадцать тысяч за дом с отгородом. Мол, такая остаточная цена моего дома. А он, в то время, предлагал мне два миллиона пятьсот тысяч. А если взять реально, то мой отгород стоит в пределах десяти миллионов — он ведь не учитывает, что у меня плодородный слой почвы, чернозем.

У меня нотариуси электричество отключили, когда дом горел. Я ходил, просил, они мне провозда к дому направили. А внутри у меня все сгорело: надо было электропроводку, счетчик менять. Я этого ничего не делал.

В конце концов продали все жителям, считай. Нас осталось пять собственников, у кого дома сожгли. Сейчас у нас девчонки-сироты судились. Они в 35-м доме жили, дети-сироты вдвоем остались. Они с ними вели переговоры, чтобы купить их дом. Им дали задаток сначала 1,1 миллиона, что ли. Позже те дома, которые в Казасе продали, разрезавские трактором сносили. Их дом тоже снесли. А потом у девчонки требования вернуть те деньги, задаток, мол, мы с вами дело не хотим иметь, и подали на девчонку в суд — чтобы они им деньги вернули.

Мы судились больше восемь месяцев. Мы ходили в суд как свидетели, доказывали, с разрезом судились. Разрез на них подал иск в суд после того, как снесли дом и вывезли землю. Ладно бы, если бы не снесли дом и не вывезли землю. А так у девчонки ничего не осталось. Сам Халимов на суд ни разу не приехал, только его юрист, Дмитрий Быков, кажется.

Мы выиграли этот суд, они девчонкам доплатили до той суммы, до которой договорились. Как подмена (внужденное переселение замели на добровольное) произошло, я сильно не понимаю. Но документ же весь через администрацию города приходил? Мы готовились за вынужденное переселение, а они сделали, что индивидуальная купля-продажа. В области доложили губернатору, губернатор — в Москву. Вроде, все хорошо, нормально, все радостные и довольные, продали свои дома, уехали из Казаса.

Несмотря на то, что мой дом сгорел, я еще его собственник, все бумаги у меня есть. Правда, я прописаться туда не могу, потому что там все сгорело.

Я не скажу, что разрез хочет. Он вокруг Казаса весь лес вырубает, там бригада работает. Мы обращались в прокуратуру, куда только не обращались. Никаких срывов в нашу пользу нет, ничего не делается. К главе города три раза ходил. К начальнику полиции обращался лично: у его заместителя несколько раз был. К начальнику уголовного розыжка заходил. В полиции в каких-то кабинетах я не был, начиная от участкового и заканчивая начальником полиции.

В последнее время часто не бываю в Казасе, но езжу посмотреть.

Сейчас в СМИ преподносится, что это вымирающий дачный поселок, жигелей мало. А какой он дачный, когда он жилой поселок был.

Разрез хочет расширить, они уже близко к Казасу подошли. Так близко от поселков нельзя взрывать и уголь добывать.

Он сказал, что под поселком уголь нет. Разрез может всякое сказать. Сейчас лес вырубается вокруг поселка Казас. Такой лес вырубается! Там же кедр вырубается! Понимаете, кедр! Кедр десятилетием выращивать надо. Мы ведь, шорцы, кедровыми шишками, лесом, рыбой жили. Мы и в прокуратуру обращаться надо, что кедр вырубается; ездили с полицией — показал, где это.

В феврале представители ООН приезжали к нам. Это мы обругались. Потому что права здесь violate нарушаются. Никто ничего не делает по Казасу. Мы обратились в их офис в Москве. Они приезжали к нам.

Они в администрацию не сообщали, что еду. Приехали. Мы встретились на квартире с ними. Поговорили. Обсудили. Показали бумаги, какие у нас есть. Хотя мы им в электронном виде выслали. Поговорили и решили ехать в Казас на нескольких машинах.

Когда ехали в Казас, позвонили главе города, Иванову, что приехали представители ООН, которые хотят с вами встретиться как с главой города. Он отказался с ними встретиться, сославшись на то, что его нет на месте, хотя он был в администрации.

Приезжаем мы в Казас. На КП охранники нас не пускают. Мы едем несколько человек собственников, у нас с собой все документы — оригиналы — и нас не пускают.

Потому что мы с представителями ООН ехали. Ладно, мы поехали в сторону Чувашки. На дамбу заехали, напротив Казаса, и они с дамы посмотрели, сняли один дом. Потом поехали в Чувашку. В Чувашке они ходили, немного снимали. А потом уехали.

После этого мы с Чувашки выезжаем домой. Глава города присылает нам представителя Мирационной службы, проверить документы. Полиция снимает представителем ООН, и мы съезжу ведем. А потом нам говорят, что представители ООН приезжали как частные лица, что их никто не вызывал. Они что думают, что их администрация должна была вызвать? Мы их вызвали, пострадала одна сторона.

Что будет дальше, я не знаю. Я очень устал. Здоровья нет. Боремся, как можем. Тут ведь не только наша история. Тут и чувашинские пытаются земли вернуть, Сельский совет. Конечно, Сельский совет не дадут вернуть. Ездил на собрание — нам сорвали собрание: пьяные выкрики какие-то были. Попробуем новое собрание организовать — территориально-общественное самоуправление создать.

В Чувашке Валентина Егоровна с людьми пыталась организовать это — не получилось. Получается, что мы, коренные жители, шорцы, не имеем своей земли. Раньше был Сельский совет — простой Сельский совет, потом Национальный сельский совет, потом Национальный упростили. Сельский совет хотя бы как наши права отстаивал, за нас стоял. Я думаю, что Сельские советы закрывали для того, чтобы разрезы здесь открывать.

Кийзасский разрез как открылся? Он начал работать незаконно. Вырубали лес, строили дороги через областную трассу, сейчас еще возят уголь. Хотя они не имеют права возить через областную трассу Кемерово — Междуреченск.

Сейчас только строят путьперовод через дорогу. Они прежде должны были через дорогу путьперовод построить. А потом только возить уголь. Здесь, в поселке, где у них складывали уголь, все заглохло, чего только не делали.

Летом я ездил к теще в Чувашки, отгород копать, картошку окучивать. Вода грязная, когда купался на речке. Летом, в ясную погоду, у нас речка никогда грязной не была. В Казахе галили, грязная была, а выше, в Чувашке, речка никогда грязной не была. Весной она грязная.

Интервью с Валентиной Бурдускиной, шоркой из села Чувашица. Разрез «Сибирянский» принадлежит ОАО «Мечел»

Я родилась и жила в Шодрово. Там было ВД 30/4 — предприятие, колония поселения, лагерь. Потом лагерь закрыли, когда вырубали лес. Нам отключили линию электропередачи, а мы, шорцы, все равно жили там. Закрыли фельдшерский пункт, закрыли школы, магазины. Шорцев бросили на произвол судьбы. В школу дети ходили в поселок Тоз, двенадцать километров, зимой по речке, летом по тайге. Так мы жили, мучились. Ни заработков, ни учебы.

Мы вынуждены были переехать в поселок Тоз, который ниже на двенадцать километров. Бросили дом и отгород. Скотину под нож — иначе куда ее? Переехали. Родители купили дешевенкий домик и стали там жить. Примерно в 1956-1957 годах такая же история произошла с поселком Тоз. Вырубали лес и лагерь закрыли.

Я закончила семилетку. Работы и учебы нет. И поехала я учиться в Новокузнецк. Поступила. Жила на стипендию в 20 рублей. Снимали жилье — не было облежития.

Мы, шорцы, внутренне закрепощенный народ, стеснительные, немногословные. Нехорошее отношение к шорцам, и я, и мои дети прошли через это. Старший сын стал заниматься спортом — надоедо, что унываем, оскорбляют. К нему потом стали по-другому относиться.

Эти лагерь принесли нам алкоголизм, разврат, болезни. У шорцев на алкоголь нет иммунитета. У нас начался туберкулез, венерические, раковые заболевания. Цивилизация принесла нам свет и все плохое.

Помню, родители говорили, в царское время шорцы жили хорошо. Их уважали. Они работали. Шорцы ставились своими кузнецами. Изготавливали орудия труда и оружие.

Почему мы постепенно деградирем и вымираем? Потому что шорцы народ не кочевой. Шорцы — оседлый народ и миролюбивый народ.

Хочу отметить, что официальная статистика не признает исчезновение шорцев. По последней переписи шорцев девять тысяч человек, но результатов ее нам не дали. Я бы хотела посмотреть, где у нас столько шорцев. По моим прикидкам, в лучшем случае тысячи две на Кузбассе.

Я поясню, зачем власть завышает цифры. Если мы захотим провести референдум по какому-либо серьезному шорскому вопросу, то подсчет голосов будет вестись и приниматься решение, исходя из официальных девяти тысяч шорцев. А откуда мы этих людей возьмем, если столько шорцев в принципе нет.

Сейчас у нас отгород свой и дом, но земель, закрепленных за народом, нет. У шорцев все территории забрали. С 1992 по 2002 год у нас существовали Национальный сельский совет. В 2004 году изыали земли, которые входили в этот совет. Не поставили в известность. Не спросили шорцев. Мы даже не знали.

Я пришла в магазин за хлебом — вижу вывеску, что мы теперь просто Сельский совет. Потом узнали, что все земли изыали. Сельского совета не стало, ликвидировали его в 2006 году. Без референдума, без собрания, без хода. Получается, что шорцы — никто. Шорцам даже Территориальное общественное самоуправление (ТОС) не дают.

ТОС — форма общественного управления, предусмотренная российским законодательством с тем, чтобы дать возможность местному населению участвовать в управлении. Однако на деле власти не позволяют создать ТОС, которое выражает противоречивое мнение. Так случилось с шорцами. По словам юриста, который помогал в создании ТОС, местные чиновники вошли в совет планируемого ТОС и перекрыли всякую возможность для возражений. На бумаге ТОС есть, а своей функции оно не выполняет.

Сибиринский разрез появился в семидесятом году, в советское время. В то время никогда никого не спрашивали. Надо для государства открывать предприятия, организации — значит, открыли карьер.

В конце 2012 года в газете «Контракт» я прочитала, что идут горы земель под предприятие, именно здесь. Думаю, значит, за нашими спинами идут уже горы. Все перероят, и нам опять переезжать. Так, что ли?

А в начале 2013 года мы случайно узнали, что начали строить Кийзасский разрез. С апреля 2013 года пять месяцев мы пикетировали, требовали прекратить работы, согласовать с нами.

Зимой поехали на Кийзасский разрез, посмотрели, провели съемки. У них импортная техника. Вылет строевой лес, кедр.

До нас, они пишут, пять-семь километров. Это если по дороге ехать, а напрямую — полтора километра.

Кийзасский разрез начал работать в чепырнадцатом году без правоустанавливающих документов. Они начали добывать уголь, а почему? Потому что очень выгодно, свиннули верхний слой — вот тебе уголь.

В день четыре-пять взрывов. У меня на втором этаже погребкались стены веранды, дом трясет, опладеет штукатурка. Тротил и сейпирра — все оседало на отгород.

По словам Виктора Клеутина, который работал буровиком на разрезах Кузбасса, сейчас применяется самая варварская технология взрывов — 30% взрывчатки выкидывается в атмосферу, а это тротил. Тротил разлагается двадцать пять лет.

Взрывчатку в процессе работ ничем не закрывают. Во время взрыва забойник лежит внизу, он взрывается, и за ним остальная взрывчатка. Но за эти доли секунды часть взрывчатки успевает взлететь в воздух, не стореть, а осесть на землю.

В 2013 году провели исследования у профессора Яблокова. Он приезжал к нам на семинар. Проинчала его труда о состоянии нашей окружающей среды: почва заражена, воду пить нельзя, популя обрабатывать нельзя.

Поэтому у нас картофель поселенный, урожай слабый, оржанкавай налет на малине. В таких условиях мы живем.

В речке даже купаться нельзя. Потому что в прошлом году плыла дохлая рыба. Сказали, что это такое природное явление. А у нас в верховьях добывают золотое. Говорят, что при добыче применяют ртуть и цианиды.

По словам Виктора Клеутина, возможности провести объективную экспертизу воды нет. Ведомственные лаборатории выдают результаты, что вода хорошая, а независимая экспертиза стоит дорого, и провести ее сложно.

Выпилили весь кедряч. Шорцы всегда собирали кедровые орехи.

Конечно, по мере возможности, люди держат здесь и коров, и коз — все, что могут. Но это все проблематичнее становится делать. Все пастбище отдали под строительство.

Город Киселевск весь окружен шахтами и разрезами. Жители уже привыкли к разработкам и взрывам. Реагируют на действия геологических начинают в самом крайнем случае. Так было с разработкой разреза шахты №12 (ЗАО «Стройсервис»). Однако в 2012 году взрывные работы на разрезе стали производиться в ста метрах от жилых районов Киселевска, и начались протесты. Рассказывает очевидец событий, жительница Киселевска Татьяна

Про Войно [район Киселевск]. Они там рыли-рыли, нас не трогали, нас не касалось. Они начали там взрывать. Ну мы тоже как вроде бы не против, ну решил разрез — взрывайте.

А потом уже, когда люди начали возмущаться, жаловаться, их стали селить. Кого селили на квартиру, кому денег дали на покупку. Они конкретно, официально отселяли.

А потом они уже сюда-то пошли, к нам. Нас сначала не пугало: ну роят и роят. А потом, когда взрывы уже пошли, взрывать начали, вот тогда уже наши дома заходили ходунком.

Каждый день взрывали, конечно, активно. Такие взрывы были сильные, как будто у нас вообще землетрясение, все ходунком. Мы пошли к директору.

Пыль-то, копот, когда взрывают, поднимается. Облака пыли есть, но нас больше всего волновало, что наши дома рушатся. Пошли прешины. Лопаются, стены лопаются. Они построены, дома, в 1950-х годах, старые уже дома. А нам сказали: «А надо было фундаменты лучше ставить» — 50 лет назад, да?!

А потом они как-то здесь не стали взрывать, им другое поле отдали: сейчас они там работают, а у нас тишь.

Ну, роят и роят, не мешают. Так-то селить нас не селяют. Люди утешаются, ремонт делают. Самым ближайшим к разрезу домам давали квартиры. Мы бы тоже согласились, но нам не предлагали.

Ну, в принципе у меня нет особо желания сейчас переселиться. Продавать я не буду. Наш [район] старый. Останова очень далеко от нас, школа далеко, и магазин в поселке нет. Это мы привыкли, а кто переезжает из другого района города — «о-ой, как далеко».

Взрывы остановили. Мы целый год боролись. Вы знаете, это же через Кемерово все делалось, через область. Это здесь сколько написали и туда, туда. В Москву писали, отсюда ответа ждали. Знаете, к нам даже приезжали с 1-го канала, «Лежурная часть» — мы до нее дошли.

У них документы были законные, но мы-то попали в зону. Они должны километр по закону, а километр — это до Стациона. Мы им даже сказали: «Ну вот, хотя бы отселите на 440 метров. Мы сами ходили, меряли меряли. Но они же не стали этого делать, они расселили четыре дома, и все, на этом остановились».

Мы какие требования выставляли: вы нас уберите, если вам надо уголь, и делайте, что хотите. Или прекращайте работы, пока вы нас не селите. Ну они прекратили работы, им запретили.

Они уже в 2011 вообще тут рыли, а на Войно начали раньше рыть — там дорогу передвинули. Дорога была там, потом сдвинули, стали селить людей. Ну, с того края все началось. Потом раз, и здесь сселили... передвинули разрез, дорогу дальше поставили. Они ближе подошли. И потом, когда через эту дорогу камни начали лететь, уже начали там сселять.

«Сел и поехали» — нет такого желания. Не взрывали бы, и данно.

У нас вообще ужас что творится у нас один разрез крутой. Вот гора, 12-я шахта успела навалить. Когда мы сюда переехали, хорошо было. Вообще разрезов никаких не было. Вот туда поезде, там облежка росла, ходили. Домов еще было меньше, потом стали спроститься люди.

Раньше мы жили у шахты Краснокаменская. Она открылась, уголь добывают, и он падает. Пыль там такая, и нас отсюда сселили. Мы здесь купили дом. Здесь чисто было. Машин было мало. Речка у нас внизу там. Мы тут ходим, загораем летом.

Люди мила Соколова, жительница деревни Костенково.

Приезжает Росприроднадзор, пошел по деревне, заходит вот через два дома от нас к соседке. А они недавно поставили рукомойник, но там от речки метров двести. И бабучка из рукомойника руки моет. Как на эту бабучку напустились!

«Вы почему загрязняете природу?» Чуть ли не штрафом ей прозят. Вот нашу грязную речку не видят, речка чистая. Ребята, смешно и плакать хочется. Вель это люди, которые, простите меня, получают деньги за счет налогоплательщика.

А наша речка и сейчас периодически грязная бывает. Когда разрывают землю, там скапливается вода. Эту воду надо откачивать. По идее, ее надо откачивать через очистные сооружения. Бе откачивают напрямую в речку, хотя разрез уже работает.

Специально спросила на последних обсуждениях: «Когда будут очистные сооружения?» — «В 2018 году». А эта речка, она идет уже напрямую, в Чумыш. Костенково от нее пострадает. У нас же люди отдыхаться приезжают на речку! Она вот прямо черная.

Конечно, когда мы пожалуемся, приезжает какой-нибудь проверяющий, и на некоторое время загрязнять прекращают. Речка очень быстро осветляется, вся взвесь садится на дно. Когда мы взяли этот участок, это была речка, в которой мой папа с дедьми, внуками рыбу ловили.

Хорошую рыбку ловили, вот прямо спускались в огород. Речка была такая приличная. Мы даже там зону отдыха хотели сделать. Посмотрите, что это сейчас! Грязный ручей. Иногда очищается, иногда нет. Спустили пруды, которые были. Мы из-за этих прудов сюда приехали, а теперь там будет разрез.

Я точно знаю, что никому другого жилья не дадут. На последних общественных обсуждениях я прямо подняла этот вопрос. Вот этот перенос дороги включен в лицензионное соглашение. Они имеют право и должны перенести дорогу.

А вот отселение жителей из санитарно-защитной зоны никто не прописано и не будет этого решения. Просто санитарно-защитная зона 50 метров. Какую хотим, такую и делаем.

Начала они не собирались делить даже этот разрез Вереевский на две очереди, они сразу его собирались копать до конца. Когда в прошлом году мы вот так очень резко начали протестовать, они все-таки сделали эту первую очередь в километре от двинных сел.

Я прямо задавала вопрос в прошлом году: «Ребята, а что будет со второй очередью, вы списываете эти запасы? Ну вы нам скажите заранее, покажите бумагу, что будет». А мы решаем, что будет, когда вот дойдем вот сюда. Когда они сюда дойдут, нас здесь уже не будет.

Я, сожалению, отдала фотографии. Когда идут взрывы, проявляются трещины на стенах, трещины на печках. Вообще, когда сидишь в доме и раздается взрыв, не очень понятно, что делать, то ли это уже началось землетрясение, и нужно срочно высказываться. Каждый раз этот ужас переживаешь. Пыль столбом стоит. Вчера сидим с дочкой, я говорю: «Леня, я не поняла, я, конечно, сейчас вижу не так хорошо — а вот там что?» — «Мама, да это пыль, это пыль от того разреза, Восточного». Шум, ночной шум — спать невозможно. Ну не знаю, может, у меня такая нервная система, но когда так «у-у-у», никто спать не может.

Ребенок, и тот реагирует. Вот этот младший у нас, он особо чувствительный какой-то. Те играют-ся, но ничего, они постарше. А у младшего сразу вот такие глаза делаются. В прошлом году, когда мы днем стали (взрывы же днем идут), он у меня просто подкакивал на кроватки.

Вы знаете, сердце кровью обливается, когда твой внук перелуган в детстве не тобой и не плоними людьми, а, простите, тем, что не должно пугать, а должно нас защищать. По крайней мере, государство должно нас защищать, а государство объединилось вот с этими товарищами.

В этом году бежит внук — я сидела на этих каначах. Володя стоял, раздается этот мощный взрыв, и Ромка бежит в ужасе: «Что это?» Ребенок не понимает, почему среди беда дня такой шум при самом небе грохочет. Приходится врать: «Да, Ромушка, это просто гром» — «А где дождик?»

Он еще маленький, старшие уже понимают, очень настроены отрицательно, потому что у меня здесь выросли дети. Мы тогда работали, дома еще на было, была только эта банька. Дети жили вдвоем, школьниками, и как-то у меня сын даже сказал: «Мама, я могу идти в партизаны, я тут все облазил». Теперь в партизаны куда идти.

Вы сразу нарветесь на эту пыльную дорогу, которая там идет за фермой где-то, и от нее естественно, поскольку по ней огромные КамАЗы носят, как-то там слегка отсыпано, — там просто все запылено.

Я не знаю, что будет, я знаю, что меня здесь не будет, потому что я хочу жить. Вот самое смешное, что будет: у них лицензия до 29-го года. На слушаниях, которые были вот полторы недели назад, они нам красивые планы представляли, что будет высажено 186 тысяч деревьев.

Когда? В 31-м году. Вы у нас видели разрезы, которые, простите меня, закончив добычу угля, начинали что-то делать? Да нет, конечно. И вот эти красивые сказки. Все слушания я просто смеялась. Я вот первый раз не выдержала, я Манозину, нашему главе, говорю: «Товарищи, ну не врете нам, я уже не могу, не врете!» Вы скажите: «Да, у вас в бюджете нет денег».

Отзовите лицензию. Там выпасы и покосы. У нас в прошлом году, если что, было 70 коров в деревне, в этом году осталось 50. А когда был колхоз, 800 коров кормились на этих землях. Я уж не говорю об отородах. У нас, простите, деньги растут хорошо в государстве.

Мы в прошлом году пошли собирать подписи. Собрали уже не помню сколько. И знаете, за каждым участком не один человек, а несколько. Мы просто задавали вопрос такой: «Сколько человек кормится с вашего участка, столяких и пишителей». Каждый заводит курочку, деткам мясо, яйца отправляет. Поэтому тут не об одном человеке речь.

Я не считаю аргументом в пользу разреза рабочие места для молодежи. Они же эту молодежь и губят. Вот у нас 400 жителей, более 100 детей постоянно живут в деревне, а летом, вот на нашей маленькой улочке 12 детей отдыхают.

А мы куда поведем отдыхать этих детей, когда вот здесь уже на будущий год, я думаю, нельзя будет здесь находиться? Облака пыли идут с разреза. Они ж нам как аргументировали в 2011 году: «Ой, вам повезло, у вас ветры отсюда. Вот в Матюшино, на них ветры дуют с разреза, им тяжело». Я вам теперь скажу: «Ребята, у нас ветры поменялись! У нас по месяцам дует теперь северный ветер с разреза».

Второй год я не могу детям дать яблони, я даже отмыть их не могу. Понимаете, это такая пыль, которая не домашняя пыль, ее фиг смоешь. Не зря же вот эти все слинкозы у шахтеров, а теперь нам предлагают все эти профессиональные заблуждения жителям тоже помнить.

Мы письма в прошлом году писали и сейчас предлагаем принять пятикилометровую зону и не подходить ближе к поселку. У нас уголь, думаете, только рядом с селом? Он у нас и в тайге где-то есть, где будет для природы, может быть, тоже очень плохо, но хотя бы людей не уничтожит. Хотя бы людей.

Но там же нужно деньги вкладывать, а тут что? Драный ФАП построили, и то только потому, что мы боролась начали. Если бы мы в прошлом году вели себя тихо, не было бы ни этой игровой площадки, которую сейчас поднимают на знамя, не было бы этого ФАПа, ничего бы не было. А вот социальный центр, где могут жители собираться, строить не будут, потому что там могут прийти жители и сказать, что разрез — это плохо.

Рассказывает местный житель Сергей Шереметьев. Работы ведутся в деревне Алексеевка и поселке Ананьино ведом ООО «Разрез Вилнарский Северный»

В 2010 году началось подготовка к разработке месторождения вблизи деревни. Расстояние от жилых домов до разреза не более трехсот метров. Для разработки месторождения были вырублены деревья, а в перспективе вокруг деревни был бы срезан плодородный слой и зарезаны окружающие леса. Вести домашнее хозяйство было бы невозможно. Благодаря активным протестам местных жителей, сейчас работы на разрезе не ведутся, но никто не уверен, что все закончилось. Нет окончательного решения, есть только местные жители, которых больше нет где жить.

Меня никакие условия не устраивают. Я там вырос. Но, если такой вопрос встал, нужно всем как одному решать: строить нам современный поселок, с экодомами, в экологически чистом месте.

В 2010 году, даже раньше, подошел, стал узнавать, когда они начали копать, потихоньку возиться. Представители разреза сказали, что в сторону деревни не пойдут. Ну, это в принципе нормально, там ниже деревень нет.

«Ребята, тормозите, так не пойдет. В сторону деревни вообще не вариант». Я так сказал, когда узнал, что будут валить лес в 500 метрах в сторону Алексеевки и в 600 метрах в сторону Ананьино. Нам удалось поднять шум, привлечь главу района. Валить лес перестали, но ненадолго. Вскоре мне позволили соседи (меня тогда не было в поселке) и говорят: «Ты обалделешь, где они поставили метки!» Приезжаю и вижу, что по этим меткам разрез захватит всю дорогу и часть леса прямо за деревней.

Стал звонить директору разреза, так как ранее была договоренность, что разрез оказывает помощь: чистит дорогу зимой, дает уголь. На Кузбассе это распространяемая практика — разрез таким образом компенсирует жителям неудобства. Однако никакая помощь не поможет, когда разрез подползет вплотную к поселку. Там просто невозможно будет жить.

«Никакой помощи от вас не надо, сворачивайте деятельность свою». Я так сказал на собрании, которое организовали разрезавские, чтобы договориться. Мне женщина-депутат говорит, что, может быть, они нам взамен что-то предложат, но у меня к ним веры нет. Один раз уже договорились, а теперь разрез у нас под окнами собирается рыть. Пришли мои соседи и то же самое им заявили. Никому разрез не нужен.

Руководство разреза пояснило, что лес начали валить по ошибке. Лесорубы не туда залезли. Только эти лесорубы стали в первую очередь валить сосну, которую выгоднее продать. Вообще с лесом интересная история. Мы начали писать жалобы, что валят лес. Создали Комитет взаимодельствия и запросили все документы. Стали их изучать, почему валят лес, почему так близко от деревни идут. Оказалось, что у нас тут не лес, а курстарник. Я знаю этих людей, кто разрезу такую справку дал. Они все время такое пишут, а этой экспертной фирмы уже не существует.

Тод закончился тем, что в сторону Ананьино не идут. Мы со старшим в Ананьино, Василием Сергеевичем, прибили таблички «Поселок Ананьино».

Но позже разрез стал копать еще одну яму в сторону деревни. Замой мы заявили пикет в городе, около администрации. Они засуетились. Назначили встречу в Алексеевке. Было собрание. Они угрожали, что не надо никаких пикетов. Правда, раньше директор разреза мне сказал, что «мы все равно будем копать, хотите вы или нет, мы все равно это возьмем». Мы еще много раз встречались, пытались договориться о границах, но это им невыгодно. Пласт угля идет так, что копать надо ближе к деревне.

Так мы воевали четыре года с 2010 по 2013 год. Летом 2011-го мы продолжили защищать деревню, вбили метки. Разрезавские же их экскаватором переставляют. Раз так нагло, тогда мы пошли и стали вставать между экскаваторами и БездАЗами. Однажды было так. Звонит мой товарищ и говорит, что он с детьми стоит в зоне взрыва в разрезе. Везд они, если взорвут, потом что угодно смогут придумать. Сколько можно терпеть. Разрезавские на него в суд подали. Ему присудили, что он допустил нахождение ребенка в опасном месте. Мы обжаловали и доказали в суде, что мы проживаем в опасном месте. Тогда ему удалось два дня не давать провестись взрыв, а потом я приехал, и на меня разрезавские набросились: «Ты волю мутитишь, взрыв не даешь провестись». А за мной вышла вся деревня, и не было взрыва. Так мы воевали с 2010 по 2013-й.

Полиция не могла нам ничем помочь. Они только говорили, мол, подавайте в суд. А на каком основании подавать, если нарушения та же полиция не фиксирует?

Провели референдум по деревне. Из ста двенадцати домов приняли участие всемыслесит с небольшим. Семьдесят высказалось против разреза.

Я ходил в Земельный комитет, который, по идее, не должен допускать, чтобы разрез был так близко к деревне. Там сидит молодой парень и говорит, что у него семья и дети, ему их кормить нужно. Я его спрашиваю: «Вы расчитываете, где ваши дети будут жить? Или вы надеетесь уехать отсюда за границу? Здесь-то что останется?» Одна женщина из администрации сунула мне телефон. Я позвонил. Мне женщина сказала, что мы молодцы, но документ уже подписали. Подписан отвод земли, несмотря ни на что.

В 2012-м я написал на имя Президента. На три месяца их остановили, они стояли. А потом они начали усиленно копать.

Мне отступать некуда. Я им говорю об этом. Пишу во все органы. Ответа нет.

Через какое-то время один чиновник приехал все проверять. Я его встречал на подстанции и веду в лес с разрезавскими. Подходим к краю. Они трубы, на которых все текло, выгналиши, мол, ничего не откачиваем, а трубы забьются убрать. И он стоит и смотрит на лес, который по документам

мелкий кустарник. Ответ пришел, что все нормально. Коррупция! Разрезовские утверждают, что растения, засеянные в Красную книгу, они после восстановления.

В 2011 году приежаки представят из Кемерово. Но он сразу предупредил, что его отравили поскоплет, решать он ничего не будет.

Многие думали, что квартиры дадут из-за разреза. Ну, неожиданно я узнал, что у нас в поселке появилась улица Новая и вот жителям этой улицы и выдали компенсации. Похоже, что случился переселение, ливиную долю средств, выделенных на это, ханнули бы жители улицы Новая, которой по сути нет.

А компенсировать или куда-то переселить пока даже не обещают. Затякают рот в частном порядке.

Мне предлагали работать на разрезе. Какую-то должность придумать обещали, чтобы я деньги получал и ничего не делал. Квартиру мне тоже предлагали. Но я могу сказать, что пока я жив, тут не будет ямы.

Валентина Константиновна Володина, жительница поселка Рассвет. Работы ведет ООО «Энергоуголь»

В 2009 году вблизи поселка Рассвет началась разработка месторождения угля открытым способом. Санитарно-защитная зона прелусматривает расстояние в 1 километр от домов, хотя на деле и это слишком близко. Однако в Рассвете ведут взрывные работы, вывозят уголь, формируют разрез в 400-500 метров от жилых домов. На законном основании получить разрешения на проведение таких работ нельзя, но в случае Рассвета они были получены. Дело в том, что поселок не указали на картах, на основании которых разрабатывался проект ведения работ. Получилось, что поселка нет, значит, есть формальная возможность вести работы вблизи домов. Принимаем не надо выплатами комменсации и решать проблемы с жителями. Валентина Константиновна — одна из жителей Рассвета, которые пытаются отстоять свое право на нормальную жизнь. С 2009 года длится противостояние, но добыча до сих пор ведется.

Вы посмотрите, укрон крикнул. То есть земля становится марганцевой — как будто марганцем покрыта. Взрывы же постоянно бывают. Горюх не растет. Ягоду мы уже перестали собирать. Потому что ее есть нельзя, на хранение оставлять нельзя. Выбросы огромные.

Я бы показала, как рушатся печи. Вот у нас бабушка с дедушкой — у них печь приняла форму парадиллотрама. А у меня дом в аварийном состоянии внутри.

Раньше у нас водоемы были как аквариумы! То есть чистые водоемы. Нашим деткам мужчины огораживали место для купания в речках, чтобы они дальше не лезли. А теперь негде купаться. У меня ребенка привозили маленького, внука, 3 месяца. Они в 10 утра приехали на такси, в 8 вечера уехали. И когда вечером его стали купать, у него под ногтями черное. А он младенец, он никуда не ходил, он не мог запачкаться. То есть это все летит на нас. Только анализыв-то они поставляют нам хорошие, потому что боится.

Еще у меня от взрывов потреб обвалился. Мне земля завезли. Начальник их сказал, чтобы дали землю. Совесть-то надо иметь, на глазах у всех случилось.

Возят взрывчатку прямо по поселковому дорогам и нарушают скоростной режим. Автозаправщик едет с полными цистернами — 40 тонн цистерна и 20 тонн машина, всего 60 тонн — через поселок. 1 мая позавчера года они стонкулись. Они могут возить уголь по своим дорогам, не заезжая в поселок, но так им ближе, экономят солдару свою.

Раньше у нас в окнах были стекла, мы могли их отмыть, а сейчас пластик, его никаким реактивом нельзя мыть. А еще остаются разволы. Я каждый день мою окна с той и с другой стороны.

Публичных слушаний не было. Они говорят, что публичные слушания — это как рекомендация. Для чего они тогда вообще существуют?

Куда мы только не ходили. И к Тулееву ездили. Я была в министерстве природопользования, в Москве, там наш прокопченский парень работает, Фишер Володя, я долго там была, там форум экологический был, со всех регионов приехали люди. Я к нему подошла. Он даже вопросы задавал, но поверхностно.

Санитарно-эпидемиологическое заключение делала какая-то кемеровская компания. Чо тут скажешь. Они все обошли за каких-то четыре дня, даже за два дня, а два было выходных. Разве можно за этот срок взять пробу на каждом квадратном километре, как положено. Это им надо было 250 килограмм грунта таскать, чтобы заключение дать.

Кто-то говорит, что я 25 миллионов получила. Ну, если так, то я бы написала на своем доме, как в мультимедии про Простоквашино: «Живите, кто хотите, дом свободный». Кто рискнет сюда ехать?

Глава администрации района Мирошник приехал, когда сейсмическая активность вроде была. Смотрит, а понять никак не может. Уже все экологи мира говорят о том, что там газы скапливаются, когда они роят. И постепенно идея, идея, идея, и в каком-то месте прорывает. Ведь там нет ни одного разреза — а землетрясение. Я говорю, что все понимают уже, что это от того, что разрезы кругом. Пять разрезов вокруг, по пять участков.

Я звонила в Роспотребнадзор. Просила составить план, когда будут выезжать. Чтобы я только звук слышала, а не дышала этим. Логиков предложил у доктора проверить на психическое состояние. Прямо открытым текстом: «Если нет у нее такой возможности, мы поможем». На учет к психиатру.

Прокуратура наша слепая, глухая, немая.

У Роспотребнадзора есть санитарно-защитная зона, а у разреза ее нет. Я решила действовать через них, пусть скажут, где санитарная зона должна идти. Сначала просто по-доброму хотели, просто на прием попасть к главному санитарному врачу России Геннадии Онищенко. Но нам отказали, попросили сдать жалобу в общий отдел. Потом ответили, что все нормально.

Путин иногда говорит вещи добрые, но это все соломенные куклы, вранье все это с его стороны. Как можно сказать, что ты говоришь так, а они делают так. Коррупцию легко победить, очень легко. Просто-напросто ты, когда к тебе обращаются, вник не слускай: зачем вниз по вертелкам спускаться? Скажи как президент. Я сам разбираюсь. Во всех случаях не надо, а хотя бы в одном.

Сейчас я сужусь с районной администрацией. За то, что они позволили все это дальше. Загорская администрация — это иррушка в руках.

Библиографические ссылки

1. В администрации области состоялось совещание «Итоги и работы угольной отрасли Кузбасса за 2014 год. Меры по улучшению состояния промышленной безопасности» [Электронный ресурс]. – Кемеровская область. Информационный портал. – 2015. – 11 февр. – Режим доступа: <http://kemoblavl.gu/news/roton/2015/02/11/v-administratsii-oblasti-sostoyalos-soveshhanie-itogi-raboty-ugolnoj-otrasli-kuzbassa-za-2014-god-lyublyu-ro-lichshchenyu-sostoyaniya-promyshlennoj-bezopasnosti.html>
2. Добыча угля. Основные показатели [Электронный ресурс]. – Министерство энергетики Российской Федерации. – 2015. – Режим доступа: <http://www.mpe.gov.ru/active/coalindustry>
3. Кузбасс остается базовым бассейном. Интервью с Анатолием Яновским, заместителем министра энергетики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Уголь Кузбасса. – Электрон. журн. – 2015. – №3. – Режим доступа: <http://www.uk42.ru/index.php?id=853>
4. Экология Кузбасса: цифры, факты, события [Электронный ресурс]. – Вести-Кузбасс. – ГТРК «Кузбасс». – 2015. – 11 февр. – Режим доступа: <http://vesti42.ru/news/society/00021075/15>
5. Рейтинг регионов по прозрачности бизнеса [Электронный ресурс]. – Интерфакс-ЭРА. – 2015. – Режим доступа: <http://interfax-era.ru/region/regionov-prozrachnost-vybzesa>
6. Демография [Электронный ресурс]. – Администрация Кемеровской области. – 2015. – Режим доступа: <http://www.akko.ru/SocStetg/demog.asp?n=1>
7. Киселев, Максим. Врач-онколог о раке [Электронный ресурс]. – Сибиано. – Электрон. журн. – 2015. – 4 февр. – Режим доступа: <http://sibdero.ru/reading/ugach-onkolog-o-rake-vse-ditayut-shto-s-limi-etogo-ne-schitsya.html>
8. Помогите спасти реку! [Электронный ресурс]. – Человек и закон. – 2015. – 12 окт. – Режим доступа: http://vk.com/wall-76290911_2879
9. Мертвава рыба в Томи [Электронный ресурс]. – Форум туристов Сибири. – 2014. – 26 сент. – Режим доступа: <http://egki.ru/forum/viewtopic.php?f=53&t=5508>
10. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2013 году. Государственный доклад [Электронный ресурс]. – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. – М., 2014. – Режим доступа: http://gospotrebnadzor.gu/crload/crload/vblok/3v8/gd_2013_dlya-saytarfd
11. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2014 году [Электронный ресурс]. – Департамент природной среды и экологии Кемеровской области. – Кемерово, 2015. – Режим доступа: <http://esckem.gu/wp-content/crloads/2015/03/ДКЖЛАД-за-2014-на-01.03.2015-1.rfd>
12. Жилина Н.М., Кондратьева И.И., Чеченин Г.И., Винникова Т.Н. Анализ риска для здоровья населения от загрязнения окружающей среды г. Новокузнецка за 2007 год [Электронный ресурс]. – ЭКО-бюллетень. ИнЭКА. – 2008. – № 2 (127). – Режим доступа: <http://inesa.gu/?dt=bulletin/arhiv/0127&rg=020>
13. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2014 году [Электронный ресурс]. – Там же. – с.17
14. Повышенное содержание пыли отмечено в воздухе в Кузбассе [Электронный ресурс]. – Газета Кемерово. – 2014. – 10 февр. – Режим доступа: <http://gazeta42.gu/lenia/show/rovushnepoesodetzhahle-ruii-otmesheno-v-vozduhe-v-kuzbasse.html>

